

A black and white photograph showing a cameraman on the left, leaning over the side of a tank and filming three soldiers. The soldiers are sitting on the tank's turret, wearing camouflage uniforms and holding rifles. The background is a cloudy sky.

АЛЕКСАНДР СЛАДКОВ

ГРОЗНЫЙ
БУДЕННОВСК
ЦХИНВАЛ
ДОНБАСС

Документальный роман (Время)

Александр Сладков

**Грозный. Буденновск.
Цхинвал. Донбасс**

«WebKniga»

2015

Сладков А. В.

Грозный. Буденновск. Цхинвал. Донбасс / А. В. Сладков —
«WebKniga», 2015 — (Документальный роман (Время))

Александр Сладков – самый опытный и известный российский военный корреспондент. У него своя еженедельная программа на ТВ, из горячих точек не вылезает. На улице или в метро узнают его редко, несмотря на весьма характерную внешность – ведь в кадре он почти всегда в каске и бронежилете, а форма обезличивает. Но вот по интонации Сладкова узнать легко – он ведет репортаж профессионально (и как офицер, и как журналист), без пафоса, истерики и надрыва честно описывает и комментирует то, что видит. Видел военкор Сладков, к сожалению, много. Хватит не только на телефильмы и репортажи, но и на многие книги. Первая – перед вами.

Содержание

Пролог	6
Грозный	7
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Сладков

Грозный. Буденновск. Цхинвал. Донбасс

© Александр Сладков, 2015

© Валерий Калныныш, оформление и макет, 2015

© «Время», 2015

* * *

Пролог

Москва. Август 1991 года

«Меня зовут Стив Хармас, я корреспондент нью-йоркской армейской газеты „Горн“. С 1940 по 1945 я вместе с моими коллегами жил в Лондоне в отеле „Савой“ и оттуда рассказывал американским читателям о ходе войны в Европе».

Сморщенными от воды пальцами я открываю очередной роман. Добегаю взглядом строку, переворачиваю страницу и опять впииваюсь в написанное. Король детектива, Джеймс Хедли Чейз держит меня железной хваткой.

«Проведя пальцем по матери, я обнаружил увесистый предмет – это оказался пистолет марки „люгер“, висевший на крючке, подшитом к изнанке платья. Я сел на кровать, держа в одной руке платье, а в другой пистолет. Изумлению моему не было границ».

Уже вторую неделю, купив на арбатских развалах чейзовских детективов, я с раннего утра опускаю свое тело в теплую ванну, закурываю сигаретку и хватаюсь за переплет. Глотая абзац за абзацем, порой не замечаю, что лежу в давно остывшей воде. Месяц назад я вернулся в Москву, на родину. Карьера военного полетела в тартарары. Я был уволен из армии и теперь искал, чем заняться. И тут этот Чейз... Может, стать репортером?

Пройдут месяцы, и приключения выдуманных персонажей покажутся мне скучными, унылыми и даже немножко смешными.

Грозный

Декабрь 1994 года

«Пойди выбери себе оператора». Мне так и сказали. И я иду. Поднимаюсь на пятый этаж Ямы – это Пятая улица Ямского поля в Москве, где расположена штаб-квартира «Вестей». Заглядываю в операторскую. Темная комната, похожая на заводской класс для инструктажа по технике безопасности. Операторов человек пять. Ветераны цеха. Кто-то играет в шахматы, кто телевизор смотрит. Все в ожидании вызова на съемку. В воздухе прямо-таки витает: «Хоть бы не меня!». Так сказать, без огонька на работе. И тут я: «Добрый день. Надо в Грозный. Кто поедет?». Ноль внимания. Даже головы никто не повернул.

– В командировку со мной кто-нибудь едет?

Такое впечатление, что я не туда попал. Да... Шахматисты уткнулись в доску. У телевизора так сосредоточились, будто что-то важное передают. Остальные делают вид, что они вообще не отсюда: газеты перебирают, книжки листают. Так, все понятно... Это как в электричке – пьяный к женщине пристаёт, а у всех вокруг ну столько важных дел, что отвлечёшься некогда.

У меня самого в жизни будет всякое. Иной раз буду отправлять в район боевых действий оператора с инженером. А сам оставаться в лагере, в безопасности. Мол, для меня работа и здесь сегодня найдется. И все это будут видеть, подкалывать... Всякое случится – потом. А сейчас... С кем ехать? Два оператора, что работали со мной в Чечне этой осенью и в начале зимы, тоже отказываются. В Грозном – ад. Новогодняя ночь. Ельцин народ поздравил, и тут началось! В новостях: все горит, трупы, развалины, «Аллах Акбар», и наши солдатики – грязные, перепуганные. Кто ж туда захочет...

Я выхожу. На улице снег. На горизонте появляется Вадик Андреев, оператор. Мысленно присуждаю ему приз в номинации «самая неподходящая кандидатура для поездки в Чечню». Постаревший Портос. Отвисший живот, вес за сто пятьдесят. Длинные седые волосы. Ни в один танк не влезет! При ходьбе у Вадика правая стопа уходит чуть в сторону. В прошлом году ногу сломал. Хромая Молния – это его прозвище на «Вестях».

Жду. Вадик приближается, щелчком стреляет сигареткой в сугроб и картинно протягивает мне руку. В ответ, неожиданно для самого себя говорю:

– Вадь, поехали со мной в Грозный.

– А поехали!

Январь 1995 года

– Ничего себе перемирие.

Как ухают взрывы, слышно даже сквозь броневетровые листы БТРа. Сержант открывает на ходу командирский люк. На улице темень. Мы вдвоем качаемся и подпрыгиваем в десантном отсеке. Мы – это я, Хромая Молния и звукооператор Серега Кукушкин, а проще Кук. Вот уже восемь часов мы едем из прифронтового Моздока в воюющий Грозный. А ведь еще утром были в Москве – иллюминация, елки новогодние, люди в нарядных костюмах. А тут БТР, БМП и угрюмые военные в грязно-зеленых «комках». Короткие фразы:

– Курить взял?

– Взял.

– Сухпай где?

– В машине.

Война все-таки началась. Пугали, пугали... Телевизор – как печка: один политик информационных дровишек подбросит, другой. Вот и загорелось. Теперь всем миром глядим, отогреться не можем. Кому нужна эта операция? Русским, ну, в смысле, всем тем, кто не живет

в Грозном? Нет, точно нет. Чеченцам? А им зачем? Тогда кем и зачем написан этот увлекательный сценарий?

Едва мы появились на нашей военной базе в Моздоке, офицер пресс-центра группировки Андрей Антонов начинает торопить:

– Быстрее! В Грозный колонна уходит!

И вот сначала тесная КШМка. Четыре часа тряски. А потом машина ломается. Даже когда с дачи едешь, поломка в дороге вещь неприятная. Пускай даже где-то на Нижегородском шоссе. А тут Чечня. Три дня назад, ночью, по дороге в Грозный взвод пехоты пропал – три БМП. Отстали вот так, в темноте заблудились. Утром машины нашли сожженными. Людей убитыми.

Выпрыгиваем на дорогу. Темнеет. Одни. Впереди загорается огоньками населенный пункт. Вадик обеспокоен. Не тем, что в любой момент могут напасть и уши отрезать. Все гораздо серьезнее – он голоден.

– Может, давай по дворам. «Яйко! Млеко!»

– Ты что, с ума сошел! Это же дружественное село. Толстой Юрт, кажется...

Солдат циничное предложение Вадика не смущает. Они смеются. Пять минут – и нас догоняет очередная колонна. Сколько же техники в операции задействовано? Сколько сил? Нас цепляет «на галстук» проезжающий бензовоз и через полчаса мы оказываемся в огромном бивуаке российской армии. В долине между селом и Ястребиной горой. Поле до горизонта. Много машин. Жирная грязь. «Уралы», «КамАЗы» утопают в ней по бампера. На перекрестке, посреди всей этой жижи, нелепо смотрится регулировщик. Он такой же чумазый, как все. Вот только белая португеза блестит поверх запачканного бушлата, белый шлем с аббревиатурой ВАИ и полосатый жезл в руке.

Надо же! В этих местах я гостил в сентябре. Солнышко яркое. Травка зелененькая... Боевики дружелюбные, надменные, жующие жвачку. Разговоры ленивые: штурмовать Грозный, не штурмовать... Это было тогда. А теперь? Угрюмые зелено-коричневые тона. Горы трюпов. Танки, артиллерия. Там где армия – дипломатии нет. Генералам чужды лингвистические хитросплетения. Вагон тротила в обмен на выполненную задачу. А Грозный... Тут запасов военного округа хватит навряд ли. Да и техники тоже.

Не конфликт, не «горячая точка» – война.

Иногда по автомобильному полю, зачем-то библикая, проскакивают машины. Танки лязгают гусеницами. Иногда поле пешком пересекают офицеры или солдаты. Неторопливо балансируют по колее, как по канату. Голоса у военных хриплые, надсаженные. Вот сейчас мимо нас проходит расхристанный молодой лейтенант, с перевязанной белым бинтом головой. Он в бушлате, без шапки, грызет семечки. Лицо у лейтенанта бледное, глаза стеклянные. На соседнем БТРе солдаты. Один поворачивается ко мне. Черная вязаная шапочка. Автомат за спиной. Бушлат расстегнут, под ним какая-то малиновая дамская водолазка. Он тяжело вздыхает. У меня в груди растет щемящее чувство. Что происходит? И это она, «непобедимая и легендарная»? «Познавшая радость побед»? Каких-то бородачей с берданками испугались!?

А чего мы хотим от этих военных? Три года загоняем их в угол. Офицерам плюют в лицо в общественном транспорте. В больших городах они ездят на службу в гражданке. Им разрешают. А по ночам грузят мусор, сторожат склады и автобазы – надо же кормить семью. Солдаты, натуральным образом, просят милостыню. Их жалеют, им подают.

Вадик матерится. Авария: густой глиной ему «отсосало» подошву ботинка. Размерчик-то у него 46-й. Где найдешь? Водитель уходит. Появляется через минуту с огромным резиновым сапогом на нужную ногу:

– Надевай!

– Откуда?

– С убитого.

Вадика эта информация не смущает. Он кряхтит, наматывает портянку и натягивает сапог.

Меня передергивает:

– Покажи!

Водитель, взрослый контрактник, выплевывает окурок и приглашает в сторонку. Сую нос под отвернутый водителем тент. Люди. Вернее, тела, в таком же грязном, как на живых, камуфляжном тряпье. Вповалку. Все, что осталось от солдат. Молча возвращаюсь назад. Закуриваю. Хотя больше десяти лет не курю.

Нас пересаживают в БТР. Теперь вроде как в Грозный, в ставку командующего 8-м армейским корпусом генерала Рохлина, на консервный завод.

– Я на броне поеду!

Водитель хлопает меня по плечу.

– Парень, ты не чуди. Там не все так просто, как кажется.

Около часа в такт ухабам стучусь головой о внутреннюю броню. Вадик по пути умудряется снимать экипаж. Приехали. На улице крошечная темнота. Но чувствую, ощущаю, что рядом люди. По запаху табака, по неуловимому, знакомому с юности позвякиванию карабинов на ремнях автоматов.

– Где мы?

– Консервный завод, твою мать... Наша ставка. Давайте в подвал.

Длинная, узкая серо-бетонная лестница. Внизу просторное помещение. Столы для приема пищи. Несколько рядов деревянных кресел, что обычно ставят в зрительных залах. В глубине, под лампами еще один стол – длинный, устланный картой. Вокруг военные. Кто по телефону выкрикивает позывные, кто курит, смачно пуская дым, большинство же склонились над картой, возят по ней линейками и карандашами. Передовой командный пункт. Мозг войны. В торце стола – человек с припухшим лицом. Лет сорока пяти – пятидесяти. Большая нестриженная, вихрастая голова. Щеки, побитые оспой. Очки в коричневой роговой оправе. Да ведь это комкор! Рохлин! Тот, к кому едем! Мы неловко стоим, генерал не обращает на нас никакого внимания. Да и остальные тоже.

Как же он не похож на блистательных штабных генералов. У тех красные лампасы глаз жгут, пуговицы золотые, петлицы шитые! Фуражки по спецзаказу – тульи огромные, поля широкие, изогнутые, как взлетные полосы у американских авианосцев. И взгляд орлиный. А этот? Бухгалтер. Камуфляж на нем смотрится, как заводская спецовка.

Это потом я узнаю, что в армии есть два комплекта офицеров и генералов. На случай мирного времени и на случай военного. Первые, по надобности, ловко вскидывают руку к околышу, щелкают каблуками, громко и четко докладывают. Если гнев касается их персоны, умеют, низко склонив голову, тихо-тихо произнести: «Виноват товарищ маршал... Дурак, но преданный...» Раньше других эти генералы мирного времени узнают, кто на какую должность планируется и есть ли перспективы для них самих. Если перспектив нет – жизнь военная теряет смысл. Не на Кавказ же ехать! Надо устраиваться на гражданке в какой-нибудь «Ойл». Вискарь директорам разливать, приговаривая: «Был в моей боевой практике такой случай...»

А есть командиры на случай войны. Снимающие со своих подчиненных по три шкуры не за грязный плац, а за невыполненный учебно-боевой норматив. Они учат своих офицеров и солдат тактике боя. Но задвигают таких командиров, игнорируют, лишают поощрений в приказах предпраздничных, разговаривают с ними по-армейски вежливо, только «на вы»: «Выгону!» «Выдеру!» Их мотает с полигона на полигон, из Забайкалья в Таджикистан, из Печенги в Буйнакск. И они смиренны. Служат, потому что хотят служить. А не потому, что не подвернулась удачная комбинация на гражданке.

Но! Бывает, настает и для них время. В окопной грязи щелкать каблуками не получается. Здесь нет бравых по форме, но пустых по содержанию рапортов и докладов. Только точные

цифры, точные координаты, иначе попадешь по своим. Вот и свозят на Кавказ неугодных. Здесь ценится дерзость, здесь нужны нестандартные мысли, за которые так доставалось некоторым от насквозь уставных командиров. Здесь не мир – война. Да. Здесь награждают. Да... Очень часто посмертно. А тем, кому все-таки повезло выжить, мирные генералы завидуют черной завистью, шипя вслед: «Подумаешь, зато я уже командарм, а ты давай копайся со своей дивизией».

В ставке нас кормят тушенкой, поят консервированным яблочным соком и уводят ночевать на узел связи. Это несколько машин с кунгами и пара работающих дизелей. Спим полусидя-полулежа.

С раннего утра – жуткий грохот. Взрывы, выстрелы. По идее, надо идти работать, снимать. Но майор-связист, круглолицый азербайджанец, гремя солдатскими кружками на узком столе, чуть сбивает наш пыл.

– Подождите. Войны хватит на всех. Вон, перекусите пока. Да и темно еще. Сволочи... Опять обстреливают...

Не торопясь, выпиваем по кружке чая, съедаем галеты и сосисочный фарш. Выходим прогуляться по расположению. От консервного завода остались одни развалины. Прямо за углом ПКП – санитарная рота. На земле лужа крови. Штабель носилок, штук двадцать – они тоже в крови. Боец: «Привык уже... Трупы иногда перевозим». Вдоль противоположной стены проходит солдат. Бушлат, грязный камуфляж, на рукаве белая повязка – знак «федералов». На голове детская шапочка. Розовенькая. Она смотрится, как вызов окружающим нас черно-серым тонам. Боец оглядывается. Взгляд угрюмый. Он недоволен, что его снимают. Подумаешь...

Дальше идем. Разбитые заводские бараки. Вижу в кирпичной стене огромный пролом. Видимо, взрыв. Боже! Из пролома наружу выливается ярко-красная кровавая масса. Сердце глухо забилося. Что ж тут творится! Сколько же людей убили? Подхожу ближе. Господи, это томатная паста. Перемешана со стеклом. Банки разбиты. В склад готовой продукции угодил снаряд. Нет, Саша, надо взять себя в руки, так и до сумасшествия недалеко. Эх... А я-то думал, что я тертый калач. Всего повидал на свете. Таджикистан, Абхазия, Приднестровье. Куда там!

Легко рассказывать об армии, сидя в столице. Да что там Москва, возьмите даже Моздок! Дед один, репортер-фотограф из ИТАР-ТАСС, выскочил из вертолета и, едва добравшись до пресс-центра, давай звонить:

– Маша! Але! Я живой. Да-да, в Чечне...

Слышавшие это прыснули:

– Успокойся, батя, это Северная Осетия...

Проходим заводские бараки, дальше позиция минометов. «Васильки». Пускают сразу, очередью, по четыре мины. Угол атаки почти девяносто градусов – стволы направлены прямо вверх. И они дымят, как трубы у самоваров. Значит те, по кому стреляют, совсем рядом, за руинами. Повсюду мешки с песком, ящики из-под мин, утварь какая-то. Минометчики шатаются из стороны в сторону, как пьяные. Устали, одурели от этого грохота. Бац! Бац! Бац! Бац!

– Мамед, Мамед, давай ящик, давай!

– Заряжай!

Бац! Бац! Бац! Бац! Минометы звенят! Один боец перегружает с места на место пустую зеленую тару. Грязный бушлат. Клапана солдатской шапки опущены. Лицо, черное от гари, как у шахтера в забое. В глазах ноль эмоций – ни страха, ни отчаяния, ни усталости. Машина войны.

– Третий готов!

– Тридцать девять!

– Прицел тринадцать тридцать девять!

Одни дергают шнуры, другие слушают радию, третьи что-то пишут в своих тетрадочках, четвертые снаряжают кассеты, доставая мины из ящиков, удерживая между пальцами по две штуки в каждой руке. Как бутылки перед хорошей пьянкой.

Бац! Бац! Бац! Бац!

Вадик и Кукушкин снимают. Я подхожу к двум офицерам. Сидят нога на ногу на снаряженных ящиках. Позы усталые.

– Ну что тут?

– Да сколько можно... Зачем воюем? Ладно бы на нас напали, а так...

За воротами завода беженцы. Русские. Сумки на тележках с колесиками. Котомки, связанные между собой, перекинута через плечо. Бабки, в основном, и дети. Среди них только один мужчина. Коричневая болоньевая куртка на синтепоне. Старая офицерская шапка со следами кокарды. Яростно жестикулирует. Кулак сжат, указательный палец выставлен.

– Стреляют от жилых массивов! Наши, местные чеченцы. Подъезжают ночью к жилым домам. На самоходке. И начинают стрелять по военным. Постреляют, постреляют – и назад. А военные давай бить артиллерией! А в домах-то люди. В подвалах!

Переходит дорогу женщина. Аккуратное пальто, элегантно поднятый меховой воротник. Большой вязаный берет. Очки. Интеллигентка. В одной руке чемодан. Другой рукой прижимает к груди малышку. У той во рту соска, на груди слюнявчик. Как будто ее минуту назад кормили.

В мирное время военные то и дело учатся выживать: изучают оружие, его поражающие факторы... Копают на полигонах окопы, делают друг другу учебные перевязки. А на войне под ударом оказываются гражданские – тетки, бабки, дети, деды... Путаются во время боев под ногами. На их дома сыплются бомбы. Во дворах взрываются мины. Их убивают в первую очередь. А военным заниматься гражданскими некогда. Воевать надо.

В пятидесяти метрах от минометчиков выносной пост. Лицо у солдата угрюмое, черное от пороха и недосыпания. Автомат он прижимает к груди, как ребенка.

– Чеченцы тоже приходят: вы наши дома рушите! А что я могу поделать?

Помолчав, пожевав губами неожиданно добавляет:

– Хочется... пристрелить.

У штаба Рохлина – БМП. Одной задней дверцы нет. Оторвана. Рядом полковник. Небольшого роста. Небритый. Глядит исподлобья. Голос хриплый.

– Я полковник Скопенко. Зам комкора. Вы что тут в тылу жметесь? Ну-ка, давайте в машину!

Ничего себе в тылу. А куда ж мы поедem, если здесь все в крови и постоянно стреляют! Я заглядываю в десантный отсек. Мама! И там кровь. Целая лужа. И еще какие-то фрагменты внутренностей на дне. Как будто, извините, свинью разделали. Я-то понимаю, кровь человеческая. Сюда раненых в этом отсеке везли, а теперь, обратно, с оказией нас захватить решили. Полковник командует:

– Вперед на Больничный комплекс! Там наша передовая!

Кряхтя залезаем, стараясь не хлопнуть ботинками в этой страшной луже. Рывок! Нос машины задирается, как у глиссера на волнах. Мы со своим скарбом сползаем к корме. БМП набирает скорость, как на соревнованиях. Пять минут – все! Резко выдохнув, выскакиваю наружу. Чуть не сказал «на свежий воздух». В нос бьет резкая пороховая вонь. Кругом жуткий грохот. Полковник Скопенко хрипит:

– Не стоять! Давай, давай быстрее, вот туда, в подвал!

Бегу по битому кирпичу, спотыкаясь о пустые и полные цинки, скольжу по рассыпям гильз и пулеметным лентам. Слева дымит, догорая, ЗУшка, впереди БТР, прикрывающий вход в подъезд.

– Бегом, тут снайпер бьет, сука!

Раздолбанная пятиэтажка. В стенах дырки. Окон нет. Ни одного. Вместо них чернеют проемы. У входа в подвал солдат. Он прячется, лишь иногда аккуратно выглядывая на улицу. Каска. Автомат. На приклад намотан жгут. Ватник заправлен в брюки от афганки-эксперименталки, а брюки в свою очередь заправлены в сапоги. Поверх ватника – постромки-подтяжки. На руках перчатки. Собран, глаза злые. Это не просто часовой – это боец, в любую секунду готовый стрелять. И убивать.

По темноте спускаемся вниз, проходим через большую комнату. На стуле неизвестно для кого работающий видеик. Люди вповалку спят на бетонном полу.

– Разведбат. – объясняет Скопенко. – Они по ночам работают.

Пробираемся через хозяйство разведчиков, боясь в темноте на кого-нибудь наступить, бросаем вещи, берем с собой только камеру. Улица, свет бьет в глаза, быстро перебегаем, за белое одноэтажное здание. Через сектор смерти. Сюда достают снайперы. Больничный комплекс – огромный двор. Грязь вперемешку с битым асфальтом. Тут и там по углам бронетехника. Скопенко начинает экскурсию.

– Здесь у нас ничего особенного. Склад боеприпасов.

Мои глаза привыкают к ландшафту, выхватывают детали. Вот на земле валяется маленький игрушечный танк. Заводская металлическая копия размером с коробку из-под ботинок. Рядом точно такой же в натуральную величину. Кормой к оконному проему. Оттуда экипажу подают боекомплект.

– Че, тебе еще бронебойный?

– Да, да!

Складские бойцы бьют на броню танковые болванки. Никаких тебе «Иванов, распишись! Один боекомплект!». Механ и наводчик грузятся под завязку.

– Так, ребята, я сейчас!

Скопенко ныряет в развалины, исчезает. В двадцати метрах от нас минометчики. Их позиция прикрыта стеной и, кажется, не простреливается. Две глубокие ямы. Стволы, что из них торчат, грохают и дымят. Рядом сидит лейтенант. В роскошном кресле, нога на ногу. Ножки кресла грациозно изогнуты и вдавлены в грязь.

Яркая изумрудная ткань, которой обиты сиденье и спинка, диссонирует с окружающей черно-белой картинкой.

– Натянуть шнур! – командует лейтенант. – Залпом огонь!

Бойцы дергают шнуры стоя. Широко расставив ноги. С усилием. Как будто тянут канаты от огромных колоколов. Минометы стреляют. Не пускают мины, не грохают, а именно стреляют. Как из большого ружья. Звук такой. А к стволам уже снова бегут солдаты, держа в руках пузатенькие мины, похожие на маленькие авиационные бомбы. Это полковые минометы, 120-миллиметровые. Шарахают так, что дома трясутся!

На голове у лейтенанта черная шапочка с надписью «Менатеп». На руках черные вязаные перчатки с обрезанными пальцами. В правой руке сигарета. Время от времени он берт в руки телефонную трубку и кричит что есть мочи:

– Я «Срез-один», слушаю тебя, «Маузер»!

В этот момент он похож на злого прораба, которому на стройку опять не завезли цемент.

– Антипов! Антипов! Иди скажи, что у нас осталось всего двадцать мин с основными зарядами. «КамАЗ», что утром приехал, закончился. Понял?

Вадик снимает без перерыва. Он презирает штатив. Прилаживает камеру на ящиках от снарядов, на вывороченных из земли бетонных кусках фундамента. Кук вертится вокруг камеры. То, стараясь не мешать Хромой Молнии, вскинет вверх какой-то лючок, что-то под-

крутит, видимо, регулируя звук. То достанет тряпочку бархатную и, высунув от усердия язык, протирает объектив. У них-то работа идет. А у меня? Что я понял? Что я узнал об этой войне за эти два дня?

Как в пыльный мешок попал. «Как дела, Санек? Что там?» – «В мешке? Темно! А еще душно!» – «И все?!» – «А что вы вообще хотите?! Я ни хрена не понимаю, что происходит!»

Метрах в пяти от нас военный. На нем штатский коричневый свитер, камуфляжные брюки с подтяжками-лямками. Не обращая внимания на пальбу и грохот, глядя в зеркало, он правит ножницами свои тоненькие усики. Критически осматривает свой портрет, поворачивается к лейтенанту и спрашивает совершенно обыденным тоном:

– Ну и сколько времени?

Минометчики тут же прекращают стрельбу и садятся чистить штык-ножами картошку. Горит костер. Вместо мангала – железная бутылочная тара из-под кефира. На ней огромная выварка с кипящей водой. В ней уже капуста и макароны. Минут двадцать – и минометчики, вытерев руки бумагой для чистки оружия, садятся обедать. Они переливают часть варева в маленькую алюминиевую кастрюльку и черпают ложками уже из нее. Обед, в общем.

Рядом автоматная трескотня. В соседних кварталах взрывы. Как будто на землю плашмя падают огромные листы железа – ни разу такого звука не слышал.

Проявляется наш грозный полковник Скопенко.

– За мной!

Наверное, вот так же, пригнувшись, перебежками передвигались и наши деды. По Сталинграду, по Берлину. Но ведь Грозный – наш город! Почему мы, российская армия, прячемся по подвалам, почему бегаем от снайперов, хотя уже скоро неделя, как войска в Грозном. Пора бы уже прихлопнуть бандюков и мятежников.

Скопенко начинает экскурсию:

– Это республиканский больничный комплекс. Мы вошли сюда в новогоднюю ночь и удерживали его, как могли. Не удалось. Сейчас они обстреливают нас и пытаются прорваться через наши позиции на танках, вон оттуда, из-за Сунжи, из Бароновки, в сторону дворца, на помощь своим. Линия фронта метрах в трехстах отсюда. Вон там Дворец. И в нем чеченцы. Наша задача – удержать этот больничный комплекс. Расширить фланги. Прочесать хорошенько все, что позади. И дом за домом захватывать город.

С трудом выдергивая ноги из грязи, двигаем за Скопенко. У стены пехота. Человек пятнадцать. Грязные и усталые. Шлемы поверх зимних шапок. Поглядывают на нас, курят, стискивая зубы, двигают желваками. А в глазах какая-то зависть. Вы-то, мол, ребята, идете, куда вам надо. А куда мы пойдем через пять минут, одному Богу известно.

За четырехэтажным полуразрушенным зданием бойцы, как муравьи, волокут объемные картонные коробки с «гуманитаркой». Скопенко останавливает одного. Разрывает, показывает.

– Вот, из Волгограда прислали. Смотри: футболка, шапочка, мыльно-рыльные принадлежности... Даже «Фанта» есть!

Спускаемся в очередной подвал. На стене написано «255 мсп». И стрелка нарисована. Навстречу выходит худой высокий офицер. Рыжая щетина, кадык торчит.

– Товарищ полковник, исполняющий обязанности командира 255-го полка...

– Да я отослал телеграмму, считай, уже командир!

– Разрешите по пятьдесят граммов?

– Давай, тут вот и телевизионщики, программа «Вести». Эй, как тебя... Сладков! Держи!

Вадик, Кук и Скопенко выпивают коньяк. Вместо рюмок – колпачки от 120-миллиметровых мин. Аккурат граммов по сорок будут. Я кручу в грязных пальцах свой колпачок. Секунд десять раздумываю, а потом заливаю жидкость в пересохшее горло. Развязываю. Не пил уже года два. Но тут, чувствую, без этого будет... Как это? Не-воз-мож-но! Да, невозможно. Коньяк,

кстати, хороший. Не шмурдяк, который возят в Чечню из Прохладного. Это городок такой есть, в сорока километрах от базы Моздока. В Прохладном коньячный завод. Есть отменная продукция, но есть и шмурдяк.

Скопенко хлопает бородатого по плечу, а нас приглашает к выходу.

– Противник у нас тут такой... Действует мелкими группами. Но бывает и до сорока человек. Основные специальности у них – снайпера и гранатометчики. Для боя в городе то, что нужно. Пошли в госпиталь.

А где ж тут госпиталь? Справа развалины католического костела. Еле видна желтая краска на его кое-где сохранившихся стенах. Левее костела – вход в бункер гражданской обороны.

– Давайте быстрее, тут тоже снайпер работает. И минометчики дудаевские пристрелялись. Бывает, мы раненых выносим на эвакуацию, а тут мины падают, и мы ребят наших, уже второй раз раненых, снова заносим в подвал.

Скопенко одет, как будто он вышел из штаба в Волгограде. Аккуратная форменная шапка с зеленой полевой кокардой, пятнистый бушлат. Погоны полковника. Камуфляжные брюки. Вот только на ногах не берцы, а короткие резиновые сапоги.

– Бой в городе – самый тяжелый бой. Я пробыл почти два года в Афганистане. Вот на этом пятаке – с 31 декабря... Здесь труднее. Давай в бункер! Вот он.

Рядом со входом – погибшие. Больше двадцати человек. Лежат на склоне с правой стороны. Солдатики наши...

– Так, трупы не снимать. – Скопенко поднимает к объективу растопыренную пятерню.

Я закипаю: ну, здесь-то что за запреты! Скопенко будто читает мои мысли:

– Нельзя. Все, пойдем.

Он спускается в подвал. Перед тем как нырнуть за ним, я киваю Вадику:

– Как хочешь, ноними.

У меня свои принципы. Один из них: никогда не ссориться с объектом съемки из-за секретности. Тайна? Хорошо. Но! Если я не с трибун снимаю, не с наблюдательного пункта, а иду вместе со всеми в одном строю, и вместе со всеми попадаю в какую-нибудь шнягу... Я тогда сам решаю, что мне снимать, а что нет. Это мои каштаны, я сам их таскаю из огня.

Бункер – это и есть госпиталь. Прямо за дверью грязный солдатик. Без шапки, без бушлата. Сидит на стуле, автомат на коленях. Видать, не пехота, санитар. Зеленые стены. Низкие своды. Койки с людьми. Койки, койки... Стоны, крики, угрюмая суэта персонала. Тут же у входа железные козлы под носилки. Кому-то ставят капельницу, кому-то бинтуют грудь.

– Я начмед восьмого корпуса полковник Бессолов.

Начмед в пятнистом «комке», на шее зеленый платок а-ля пионерский галстук, на голове серый подшлемник. Глаза усталые. Голос хриплый, как и у всех здесь:

– Раненых приносят, еще кровь хлещет. Линия фронта – она ж вот, двести метров, триста! А снайперы и здесь достают. Мы этот бункер обороняем. Сами. Каждый день идут предупреждения, что нас захватить должны.

Заглядываю в единственную операционную. Комнатушка. Стол. На нем голый человек. Ногами к выходу. В боку маленькая красненькая дырочка. Капелька крови сползла на белую-белую кожу. И чуть подсохла. За мной протискивается Вадик и включает камеру. У стола медсестра. Красивая блондинка.

– Товарищ режиссер...

– Я оператор.

– Какая разница. Сейчас пулю вынимать будем. Выходите.

Врач, судя по всему, анестезиолог, в очках и с подстриженной рыжей бородкой, накладывает на лицо раненого кислородную маску. Гофрированный шланг уходит куда-то под стол. Врач смотрит на нас, склонив голову. Вежливо ждет. Мы выходим и закрываем за собой дверь.

В большом зале кровати заправлены белыми простынями. Одеяла сине-черные, солдатские. Раненых кладут и накрывают одеялами до подбородка. Кто-то в гримасе боли, кто в промежуточной нирване...

Вспоминаю фильм какой-то советский, про Белую гвардию. Офицер с аксельбантом орет на полкового врача: «Эй ты! Клистирная трубка!». Неточный образ, неправильный. Разве станет оскорблять доктора настоящий боевой офицер, который всегда между жизнью и смертью? Спасать которого кто будет, если не тот же доктор.

Мой друг Эльбрус Фидаров, начинавший военный путь еще в Кандагаре в 1982-м, в спецназе ГРУ, рассказывал, как бойцы подходили к нему перед рейдом:

– Доктор, а вы идете с нами?

– Конечно.

Бойцы сразу улыбались, хлопали друг друга по плечу:

– Ну! Тогда все будет нормально.

На войне всегда молишься Богу. Если ранят, молишься на врача. В бункере лица у врачей и санитаров черные, уставшие. Только две медсестры выглядят, как будто в тылу. Бодрые, оптимистичные. Одна даже улыбнулась мне. Женщины сильнее мужчин.

Возвращаемся на воздух. Еще неизвестно, где хуже. Там, где разрываются мины и бьют снайпера, или внизу. Где стоны и смерть.

Вечером мы складываем кассеты и договариваемся об отправке в Моздок. Надо передать материал в Москву. Ну и заодно оттянуться.

Третий день мы в Моздоке. Плаваем в водке. Снятый материал уже переправлен в Москву. Мы перелетели на вертолете в тыл, быстро справили свои дела на базе ФАПСИ. И... мухой в город! Надо найти гостиницу и чуть-чуть отдохнуть. Нашли. Что-то типа общаги для сезонных рабочих. Нынче сказали бы – «для гастарбайтеров». Туалет на всех один. Комната: три кровати и шкаф.

На военной базе эвакуация раненых, беженцы, все такое... Прифронтовые дела. И здесь снимают телевизионщики. Мы форсим! «Вы-то здесь, а мы оттуда!» Но в душе я тайно завидую тыловикам. Ни тебе взрывов, ни тебе штабелей погибших... Нет страха быть убитым или покалеченным. Правда, в Моздоке свои «прелести». Здесь тоже непросто работать. Одни солдатские матери чего стоят. Их вопросы, тихие слезы... Эти женщины теньями бродят по городу, толпятся в Доме культуры и на КПП военной базы. Ищут сыновей. Среди раненых, в списках погибших, пропавших без вести. Я поговорил с одной матерью. Сына искала. Вернее, то, что от него осталось... Мина попала в БМП, весь экипаж сгорел. Ее мальчик был в том экипаже. Она плакала, глядя куда-то в сторону. Мне было стыдно, что я ничем не могу ей помочь. Завтра и мы возвращаемся в Грозный. На Больничный комплекс.

Один взрыв хлопает метрах в десяти от нас, в куче мусора. Неожиданно. Мы все в бетонной крошке. Осколками никого не задело. Второй взрыв – секунд через пять. Уже дальше, в сорока метрах. Два связиста, которые минуту назад спокойно тащили свою катушку, теперь на корточках жмутся к упавшему дереву. Машут нам:

– Садись! Садись!

На больничном комплексе мы базируемся уже неделю. За это время я многое успел уяснить. Не по работе, нет. Не для сюжета. Важнее. Для жизни. Например, я теперь знаю, что если пуля «твоя», она не свистит. Летит без звука. Ощутишь, когда попадет. Если стреляют не в тебя лично, а именно в твою сторону, звуки выстрела слышатся как щелчки. Только

услышал «щелк-щелк» – лучше присядь, спрячься. А если свистнула пуля – это уже мимо! Мины тоже. Они постоянно шуршат над головой. Шелестят, как невидимые птицы крыльями. Это или наши минометчики долбят с Консервного завода по духам, или же наоборот, духи – по нашему тылу. Все через нас. А если уж по тебе лупят, тогда ориентируйся по первому взрыву. Бабахнуло слева – ищи воронку или какое-нибудь углубление. Падать на землю не следует – осколки стелются по земле. Для мины лежащий человек – как раз самое то! Обычно духи как-то веером мины кладут: сначала в одном месте разрыв, и дальше, дальше... Или ближе. Садишься, пережидает, потом снова работаешь. Но! Всегда слушаешь. Ждешь опасности. Хоть уши и болят от этой пальбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.